

Сергей Леонов

Рец. на: Конфессиональная политика Временного правительства России / Сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 558 с.

Sergey Leonov

(Moscow Pedagogical State University, Russia)

Rec. ad op.: Konfessional'naya politika Vremennogo pravital'stva Rossii. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010154-0

На фоне массового издания источников публикация М.А. Бабкина выделяется своей фундаментальностью. Автор впервые в историографии представил обширный комплекс разнообразных документов, раскрывающих формирование вероисповедной политики и затрагивающий, по сути, все важнейшие конфессии страны в короткий, но переломный период — с марта по ноябрь 1917 г. В них прослеживается отношение Временного правительства к Православной Российской Церкви¹, которой, естественно, отдаётся приоритет (с. 172—259), отделившейся от неё в условиях революции Грузинской Православной Церкви (с. 259—278), к старообрядцам (с. 279—297), католикам и униатам (с. 297—378), армянам (с. 378—383), лютеранам (с. 384—401), мусульманам (с. 416—429), иудеям (с. 429—430) и буддистам (с. 432—438), к сектантам — меннонитам, скопцам, баптистам и евангельским христианам, духоборам (с. 402—416). Книга состоит из введения, археографического предисловия, двух разделов, посвящённых правительственным распоряжениям и замыслам, и 14 приложений, отражающих конфессиональный состав населения в 1897 г., положения вероисповедного законодательства 1906—

1918 гг., определения Святейшего Синода и Поместного собора 1917 г. и т.д. Обширный научно-справочный аппарат включает комментарии, списки опубликованных источников, перечни наиболее важных законов и «основных событий» 1917 г., указатель имён и т.д.

Материал взят составителем преимущественно из десяти архивных фондов (прежде всего ГА РФ, в меньшей мере — РГИА и РГВИА), а также из периодической печати. Как правило, это нормативные и подзаконные акты, фрагменты делопроизводства Временного правительства, некоторых министерств и их департаментов, комиссий, совещаний — отношения, представления, заключения, проекты и т.п. Всего в сборнике, помимо приложений (как общих, так и к отдельным текстам) 249 документов, из них 154 (62%), публикуются впервые, а 71 не переиздавался с 1917 г. Среди них нет, разумеется, многочисленных прошений и распоряжений о пенсиях, награждениях, сметах, приобретении недвижимости и т.д., но приводятся «типовые» решения, касавшиеся бракоразводных дел, перехода в иное вероисповедание, назначения и увольнения священнослужителей, их права получать светское высшее образование и т.п.

В первом разделе освещены детали и механизмы выработки и осуществления новой профессиональной политики. Во втором — представлена переписка В.Н. Львова и А.В. Карташёва, а также меры, связанные с разработкой преобразований, организацией приходов, с передачей церковно-приходских школ в учебное ведомство, с обсуждением восстановления автокефалии и последующего отделения Грузинской Православной Церкви, с подготовкой к созыву Поместного собора, эвакуации Министерства вероисповеданий, Святейшего Синода в Москву и т.д. Судя по выявленным Бабкиным документам, Временному правительству буквально недели не хватило для того, чтобы утвердить «Положение о Древле-православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию», которое уравнивало её клириков в правах с духовенством других христианских исповеданий (с. 286—296). Подавляющая часть размещённых в сборнике документов о взаимодействии революционного государства с католиками, армянами, баптистами и евангельскими христианами также ранее не издавалась.

В обстоятельном введении поясняются основные положения и термины, используемые автором. В частности, отмечается разница между «инославием», «иноверием» и «единоверием» (с. 45—46), особенности юридического статуса и управления различными конфессиями до и после 1917 г. Особое внимание при этом уделяется Православной Российской Церкви, которая, как известно, в синодальный период являлась тесно интегрированной в административную систему империи, «не имела отдельного правового статуса и, по большому счёту, не была собственником недвижимого имущества: последнее находилось в собственности православно-христианского государства, во главе кото-

рого стоял православный император». Её епархии, монастыри, духовные учебные заведения имели лишь ограниченные юридические права, и «на каждую куплю-продажу объектов недвижимости им было необходимо через Святейший Синод испрашивать разрешение императора» (с. 11). Связь Российской империи с православной Церковью Бабкин считает в первую очередь сакральной, а не юридической. При этом «ни одно важное церковное мероприятие не проходило мимо царя. Даже сами определения Св[ятейшего] Синода печатались на бланках, в верхних колонтитулах которых значилось, что они исходят с высоты верховной власти» (с. 13).

Как отмечает автор, «неравноправие инославных с православными проявлялось, прежде всего, в правовом статусе религиозных общин и в ограничениях, связанных с прозелитизмом», в запрещении перехода православных в инославие (тогда как обращение инославных в православие поощрялось). «Пропаганда неправославных конфессий была запрещена, — пишет Бабкин. — Юридическое преимущество инославных над иноверцами заключалось в том, что переход из инославных исповеданий в нехристианские был запрещён... Обратный переход был возможен с особого разрешения министра внутренних дел. Браки разрешались православных с инославными (при условии венчания и крещения детей в Православной церкви), но не с иноверцами» (с. 22). Но в целом, по его мнению, «в Российской империи в отношении инославных, сектантов и иноверцев центральными и местными властями проводилась политика невмешательства в их внутрирелигиозную жизнь» (с. 19).

Автор кратко характеризует действия Временного правительства, направленные на постепенное превра-

шение России в светское и правовое государство, начиная с выпущенной 3 марта 1917 г. правительственной декларации, амнистии всем, кто подвергался преследованию за религиозные убеждения, отмены каких-либо вероисповедных ограничений. Затем последовало официальное объявление свободы совести, упразднение должности обер-прокурора Святейшего Синода, создание Министерства исповеданий, определение прав Поместного собора и т.д. Одновременно происходил коренной пересмотр религиозно-гражданского законодательства, менялась структура государственных учреждений, что порою вызывало конфликты новых властей с духовенством и верующими. Иным стало и духовное окормление армии. Составитель выделяет четыре этапа конфессиональной политики Временного правительства и отмечает противоречия между декларированной «внеконфессиональностью» государства, равенством, автономией вероисповеданий и сохранением многих привилегий Православной Российской Церкви, а фактически и её «господствующего» статуса. Временное правительство не только считало себя облечённым в делах церковного управления теми же, по сути, правами, что и императоры, но и действовало схожим образом (с. 38, 39).

Бабкин явно стремился к максимально полному освещению темы. В сборник помещены все относящиеся к ней принципиально значимые документы, обнаруженные составителем в архивных фондах. Однако количество и информативность отложившихся там источников весьма неравномерно отражает положение различных вероисповеданий. В результате даже в совокупности с приведёнными в книге

газетными публикациями сведения об иудеях, караимах, меннонитах и ряде других конфессий довольно бедны и отрывочны.

Старательность автора привела к некоторой избыточности общеисторических комментариев. Он пишет и о предпосылках образования Прогрессивного блока, и о тех или иных политических силах, и даже о такой сомнительной структуре, как Военно-революционный центр (с. 493). При этом отдельные утверждения автора не всегда точны и согласованы друг с другом. Например, во введении говорится о создании Временного правительства 1 марта (с. 20). В действительности, как отмечено в одном из приложений, оно было учреждено и приступило к работе лишь на следующий день (с. 487).

Российская империя, по справедливому замечанию М.А. Бабкина, подобно Византии, представляла собой «единое церковно-политическое тело» (с. 9). Болезненное, противоречивое (и в итоге незавершённое) вычленение из него множества светских государств и целого ряда конфессий до сих пор не получило адекватного отражения в историографии. И рецензируемое издание станет существенным подспорьем для исследователей этих процессов.

Примечание

¹ Как отмечает М.А. Бабкин, до 1943 г. «у „господствующей“ в России Церкви не было официального, твёрдо зафиксированного наименования», она называлась «Православная Российская», «Российская Православная», «Всероссийская Православная», «Всероссийская», «Православная», «Российская», «Русская», «Русская Православная», «Российская Православная Кафолическая», «Православная Кафолическая Грекороссийская» и т.д. (с. 10).